

Те, кого любят боги, умирают МОЛОДЫМИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Иван Гобзев

18+

Иван Гобзев

**Те, кого любят боги,
умирают молодыми**

«Автор»

2011

Гобзев И. А.

Те, кого любят боги, умирают молодыми / И. А. Гобзев —
«Автор», 2011

Если ты молод и не знаешь, чем заняться, то можно сделать много такого, что потом уже не исправишь. Но ты и не думаешь об этом, не собираешься ничего исправлять, потому что боги любят тех, кто умирает молодым. Спустившись в Аид, не оглядывайся - иначе всё потеряешь. Но если ты любишь, боги будут на твоей стороне. Содержит нецензурную брань.

© Гобзев И. А., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Начало	5
Суета и призраки	8
Серьёзный разговор	12
Первый поцелуй	16
Бэд трип	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Иван Гобзев

Те, кого любят боги, умирают молодыми

Начало

Я хочу рассказать историю о моем брате. Это было уже давно, с тех пор я вырос и достиг возраста Иисуса на кресте, и со мной случилось всё, о чём предостерегала меня моя мать, когда, накурившись до безобразия, мы с братом приходили ночью домой. Она стояла на крыльце, седая, в старом пеньюаре на некогда красивом теле, и кричала мне: “Гадина, идиотина, деградируй, женись!” Всё это произошло со мной именно в такой последовательности: деградация, затем женитьба. Некоторые, как говорят, сажают дерево, строят дом, а я, наоборот, – дом сжёг и дерево срубил.

История, о которой пойдёт речь, происходила на даче, когда мы с братьями жили там без присмотра старших, предоставленные сами себе, как дикие цветы. Правда, цветов к тому времени в нашем саду уже почти не осталось – только тропические заросли хрена и конопли, которую моя мать выращивала в лечебных целях.

Нас было четверо братьев: двое старших, младший Никита и я – средний. Старшие дружили между собой и не любили меня, вечно издевались надо мной по любому поводу и давали обидные клички. Хотя меня зовут Мирослав, как только они не коверкали моё имя, называя даже Тарасом. Помню, я пришёл к маме весь в слезах – а она при лиловом свете лампад сжигала свои грехи – и пожаловался на братьев. Она обратила на меня прозрачные, будто седые, глаза и сказала: “Ну что же, Мирослав. Был такой святой – Тарасий”. Меня это очень мало утешило.

Ещё братья звали меня Светой. Бывало, завидят меня на пляже у реки и кричат: “Эй, Светка! Иди сюда, Свет!” Отдыхающие оборачивались с любопытством, наверно, ожидая увидеть какую-нибудь красивую девушку, а видели моё рахитичное двухметровое тело с ногами пятьдесят второго размера на педалях ржавого велосипеда.

А однажды братья расставили по всему дому капканы на волков, и я чуть не лишился ноги. Каждый день случалось что-нибудь новое, и я жил в постоянном напряжении. Я тогда не сомневался, что мои братья попадут в ад.

Была у братьев и ещё одна забава. Дверь в наш туалет запиралась не только изнутри, но и снаружи, поэтому ночью, стоило мне пойти по нужде, братья, прятаясь в гречихе, сразу же задвигали засов и шли ложиться спать. И спали крепко и спокойно, как никогда. И тогда в скрипучей черноте, под ударами ливня, под вой ветра я по нескольку часов кричал и звал на помощь, пока не появлялся наш сосед, злой и заспанный, чтобы открыть мне дверь.

Одно время братья так надоели мне, что я старался допоздна засиживаться в городе и приезжал только ночью. Для меня был настоящий праздник, когда, шагая по просеке вдоль нашего забора, я видел, что свет в доме погашен, а значит, братьев нет. Но они скоро поняли, что я радуюсь их отсутствию, и решили мне отомстить.

Однажды я возвращался из города от матери, неся в душе её наставления и уроки смирения, и уже гадал с тревогой, дома ли братья. Мать учила меня, чтобы я подставлял правую щеку, если меня ударят по левой, и всегда встречал моих мучителей с улыбкой. Окна нашего дома были черными, и хотя мне надлежало желать мучений, от радости я расправил плечи и запел какой-то псалом. Бодро зашёл я в пустой дом и направился к себе в комнату, чтобы переодеться. Там я включил свет и тут же испуганно замолк. С потолка свисала верёвка с петлёй, а на моей подушке лежала записка, где кривым детским почерком было написано: “Это всё, что тебе осталось”. Я очень расстроился и заплакал. Немного успокоившись и попросив

заступничества у потемневшего святого над лампадой, я покинул свою комнату – и тут же очутился на полу в каком-то огромном вонючем покрывале, а вокруг раздавались страшные крики, и чьи-то ноги меня пинали. Пока я валялся под печкой, завёрнутый в тряпку, братья мочились на меня.

...Никита, самый младший из нас, четырёх братьев, как ни странно, дружил со мной, хотя его никогда не обижали. Он часто молчал, думая непонятно о чём, и кривил губы, ведя неведомый диалог с самим собой. Если его спрашивали, о чём он думает, то Никита лишь неопределённо мычал в ответ и махал рукой. Он никогда не издевался надо мной, может, потому, что был младше, а может, просто хорошо ко мне относился. Старшие братья часто уезжали в город. Тогда мы с Никитой оставались вдвоём и целыми днями просиживали за чаем у старого деревянного стола под сенью огромной – в три моих объёма – берёзы.

О чём только мы не вели с ним беседы за несчётными литрами чая! Говорили о разной чепухе, но нам было хорошо. День сменялся ночью, поднимался и затихал ветер, роня листья с деревьев; загорались и гасли цветы на закате, и обволакивала тайной тьма, в которой вспыхивали при свете сигарет наши худые лица, а мы все сидели и пили чай.

На соседской даче жили Игорь, интеллигент и молодой ветеран (он воевал в Чечне), и его жена Маша, милая, скромная девушка, похожая на фею. От их дома нас отделял проломанный забор в густых кустах пахучей сирени. И вот однажды, во время очередного нашего чаепития, из сирени раздался голос, и мы увидели над забором светлую голову Маши:

– Ребята, можно к вам? У меня к чаю кое-что есть.

– Смотря что, – ответил Никита.

На этом бы всё и закончилось, но я встал и предложил Маше присоединиться. Готовя ей место, стряхнул со скамьи разную труху, листья и жучков. Маша поблагодарила и села, и с этого момента Никита не проронил ни слова, а только смотрел куда-то в сторону, где между берёзой и сосной открывался кусочек заката. То ли он стеснялся, то ли ему было скучно, мне неизвестно. Я же принялся развлекать Машу, как только умел, а умел я плохо, но ничего другого не оставалось – ведь наш сад впервые посетила красивая девушка, а мне не хотелось ударить в грязь лицом. Я кривлялся, кричал, хихикал, размахивал руками и дёргался всем телом, и она смеялась и поглядывала время от времени на застывшего статуей Никиту. Так мы просидели допоздна. А ночью, когда уже на всем небе распустились цветы, она попрощалась с нами и полезла сквозь дыру в заборе домой. Я тут же прекратил клоунаду и наконец расслабился.

Под луной мне вдруг стало видно, как жалко мы с Никитой выглядим. Свалявшиеся комьями волосы, рваные прожжённые пальто, стоптанные кроссовки. У меня под пальто даже штанов нормальных не было, только шорты, которые я по непонятным соображениям сделал из своих джинсов. Эти шорты служили мне не только одеждой для прогулки по посёлку, но и плавками для купания, и, более того, тряпкой для удерживания горячего чайника.

– Она больше не придёт, – сказал я Никите, указывая на наши с ним одежды.

– Да, – махнул он рукой, – ты вёл себя как идиот. Впрочем, как всегда.

С тех пор всё опять пошло по-старому: мы вставали утром, садились пить чай, а с наступлением ночи шли спать, раздувшиеся от чая и бесконечных разговоров. Перемен не предвиделось, и, казалось, Никиту всё это устраивает. Он выходил из нашего мрачного дома под утреннее прохладное солнце, умывался и задумчиво курил, громко приговаривая: “Вставай, Тарас, твою мать, вставай”. И я вставал, надевал свои розовые шорты, поджидающие меня на верёвке, протянутой от печки до окна, и готовил чай. Попив чая, мы либо шли на пляж, если стояла хорошая погода, либо, если стояла плохая или просто было лень, готовили обед. Готовили мы его обычно на костре, снабжая всевозможными приправами, дикорастущими по всему нашему саду – в дело шли и листья хрена, окрашивающие еду бирюзовым оттенком, и листья смородины, конопля, ежевики, малины, мяты и черёмухи, каждые со своими достоинствами. Правда, я всегда был против мяты, ведь говорили, что она вредна для потенции. Но Никита

смеялся надо мной, спрашивая, зачем мне она нужна, потенция. Готовили мы всё это в большом казане, помешивая палкой, потом ели, подкармливая диких кошек, переживших суровую зиму на яблоках и укропе из-под снега, и садились снова пить чай.

За столом под берёзой всегда было пасмурно, и скамьи хранили прохладу, и комары с мухами не лезли в чай, облетая нас стороной. Но осы и шершни подлетали время от времени, хотя ничего сладкого у нас никогда не было. Я тогда брал длинный нож и рубил их на лету, как учил меня отец. В сырых темных щелях между досками стола хранилась многолетняя история моей боевой славы – половинки ос забивались туда вместе с сухими листочками, берёзовым цветом и всякими кусочками, штучками и палочками, а по торцу шла надпись: “Здесь был Никита, 917 год”. Никита не помнил, когда и как она появилась.

Пока мы были значительно моложе и апатия с меланхолией ещё не победили детский задор, мы ходили в путешествия. Мы вставали с утра пораньше, а иногда и попозже и собирались в дорогу. Брали какую-то закуску, чего-нибудь выпить или попить и пачку сигарет и выходили в туманную просеку, не зная до конца, куда именно ляжет наш путь. Всякий раз нам удавалось забрести в какое-нибудь удивительное место, куда, казалось, ещё не ступала нога человека. Один раз это было под сенью корявой огромной ивы, растущей посреди бескрайнего поля, и шёл дождь, и сверкали молнии, а мы курили в укрытии её ветвей и волновались. В другой раз мы очутились в чудесном эльфийском лесу, и там, стоя на холме над рекой, долго любовались удивительной красотой лесистых берегов и не виданных прежде птиц, которые порхали по кронам деревьев и пели, как в раю. Мы решили наловить там рыбы и закинули удочки, не подумав о том, что такое место наверняка охраняется местным духом. И точно, вскоре пришёл какой-то орк, а может, тролль в резиновых сапогах защитного цвета и сказал, что рыбу здесь ловить нельзя, поломал наши удочки, а нас пошвырял в реку. Потом мы видели, как он подошёл к другим ребятам с удочками, пьющим лесное вино у костра, и тоже угрожал им, но они навешали ему самому и бросили его в реку. Мы тогда решили, что это были эльфы.

А однажды мы заблудились. Неожиданно сгустился такой туман, что и на пару метров вокруг ничего не было видно, и мы шли в неизвестном направлении, стараясь не потерять друг друга. Вдруг прямо перед нами возникли трое – странные угрюмые ребята, один из них с полутораметровым топором в руках. Они остановились и молча смотрели на нас, и я испугался не на шутку. И тогда я сказал:

– Парни, покурить не будет?

Они без слов угостили нас сигаретами и ушли, а топор остался на сырой траве и сиял бриллиантами росы. Я его подобрал, и мы с братом пошли дальше, и с каждым шагом туман становился всё реже и реже, пока не развеялся совсем.

– Наверно, они испугались. Я бы тоже не выдержал, если бы тебя в тумане встретил, – сказал тогда Никита.

Но время походов и романтических приключений прошло, и у нас остался один чай.

Суэта и призраки

Наше нынешнее существование меня больше не устраивало. После визита Маши я понял, что жизнь может быть интереснее... Поэтому однажды я предложил сменить привычный чай на пиво, но в том же количестве. Мы сели на велосипеды и поехали в магазин нашего посёлка, где нас хорошо знали и потому встречали с опаской.

Продавщица в магазине была самой обворожительной девушкой из всех, каких я когда-либо видел. Красивые, правильные черты лица, густые пряди золотых волос и горящий синий взгляд выдавали в ней незаконнорождённую принцессу. Но стоило ей открыть рот, как с шёлковых сочных губ срывался такой хриплый мат, что становилось ясно: принцессу вырастили гоблины. Она продала нам сорок банок холодного пива, которые мы приторочили к велосипедам и под жарой покатали домой.

Чтобы не впадать в однообразие, мы решили забраться на баню и там, под сенью яблоневых ветвей, попить от души пива. Баня, когда-то недостроенная моим отцом, стояла вблизи соседского забора, и с её крыши открывался вид на весь участок Игоря. Усевшись наверху, мы осмотрели владения: дом, сарай, туалет, деревья, стол, заросли хрена, глазастые цветы, огромная берёза, у которой в полнолуние можно было увидеть тень нашего покойного деда, и повсюду кресты. Наверно, мы с братом оба испытали ностальгию, и первые десять банок опустели почти в тишине.

Подбираясь к двадцатой банке, я заметил, что на соседнем участке у стола засели Игорь с Машей и тоже пьют пиво, словно не замечая нас. Мы были уже довольно пьяны, и каждый раз спускаться с бани на землю по нужде не хотелось. Поэтому когда пришёл черед Никиты, он просто встал на краю крыши в тени яблони, уверенный в своей невидимости. Вдруг его внимание привлекла большая зелёная птица, похожая на попугая, которая присела рядом на сосне. Я эту птицу не видел, а он заметил и от потрясения упал на забор, проломил его и оказался на куче угля в саду Игоря. Именно с этого всё и началось.

Маша сразу пригласила его к столу, как старого друга, и они оказали ему такие ласки, словно он был раненым героем, а мне просто кивнули – типа спускайся и ты, горемыка, посиди. Я не удивлялся этому, ведь мой брат был миловиден, как девушка, и вёл себя так, что всем хотелось за ним ухаживать, и он принимал за должное такое внимание.

Я притащил оставшиеся двадцать банок. День уже клонился к вечеру, ноги меня не слушались, и перед глазами летали черные бабочки. Мой брат прилично напился и широко смотрел на Машу, покачиваясь на исходивших от неё волнах женственности, Игорь авторитетно говорил о тайнах мироздания, а Маша смотрела на Никиту, вдыхая его пьяный аромат. Каждый из нас находился в прекрасном настроении, и мы радовались друг другу и вообще нашей компании. Кто жил когда-нибудь в таком посёлке, тот поймёт, как бывает пусто и одиноко и как мало надо для радости.

– Помню, – рассказывал Игорь, – когда Никите было три или четыре года, ваш дед принёс его ко мне на плечах и попросил сигарет. Говорит, моему внуку хочется курить.

– Ты, конечно, не дал ему сигарет? – рассмеялась Маша.

– Конечно, дал.

– Да, – сказал Никита, – я тогда накурился, как свинья.

Никита ещё долго сидел так, смотря непонятно куда, изредка повторяя одно слово: «Да...» Такая была у него привычка, как думали, доставшаяся ему в наследство от деда.

Наш дед был священником, но очень замкнутым и молчаливым человеком. Рассказывали, что он зарубил свою жену топором, когда та обнаружила его в постели с прихожанкой.

И поныне, спустя столько лет после дедовой смерти, можно было иногда услышать в лунную ночь в шуме берёзы у стола: “Лена, Яна, Ксюша, Лена, Лена, Алина, Наташа...” Так дед замазывал свои грехи.

Когда всё были уже сильно пьяны, эмоции наконец переполнили меня и я взял и запел. Запел громко, так, чтобы весь посёлок понял глубину моего чувства. Может, я пел и плохо, не попадая в ноты, но от всей души и скоро заметил, что глаза Маши полны слез, а Никита смотрит на меня с уважением, которого раньше я не встречал.

Вдруг Игорь помрачнел, странно скривил губы и достал бутылку водки. Едва он свернул крышку, как меня замутило от неприятного запаха, и я резко замолк, лишившись голоса.

– Жена постоянно говорит о тебе, – обратился Игорь к моему брату. – Каждый день хотела тебя в гости пригласить.

Я расстроился: Никита же не проронил ни слова, когда Маша приходила к нам, а я так старался! Она, наверно, поняла меня, а может, просто решила оправдаться и сказала:

– Я и Мирослава хотела пригласить, не только Никиту...

А Игорь всё наливал и наливал в стограммовые стаканчики, и его квадратные очки сверкали белизной, скрывая глаза. А под столом творились следующие дела, наполняя меня тревогой: Никита, брат мой, взял Машу за руку и теперь ласково поглаживал её, как кошку, а она замерла, будто не веря своему счастью. Поняв, что надо теперь отвлекать внимание мужа, я завёл с ним разговор об урожае яблок в этом году.

– Ты о чём? – удивился он. – Какие яблоки? У вас один хрен растёт, мой друг Пиши-читай.

Не знаю, что заставило его так назвать меня, но с тех пор почти никак иначе он ко мне не обращался. И это притом, что к тому времени я прочитал полторы книги и любое слово писал минуту и с ошибками.

В какой-то момент у Маши проснулась женская бдительность, и она предложила всем смотреть на звезды. Мы подняли головы, и нас замутило, а звезды слились в радужный поток, который обрушился на наши расслабленные души.

Потом Маша ушла спать, унеся с собой свет, Игорь с Никитой клевали носом, а я зевал.

– Пора! – вдруг громко сказал Игорь. – Пора! Бери велосипед, макинтош и дуй за водкой, Пиши-читай.

У меня не было сил спорить – почему всегда именно я “дуй за водкой”, – и я вышел под чёрный дождь, накинул чёрный макинтош матери и поехал сквозь ветер и черные улицы под сводами деревьев, не видя перед собой ничего, кроме поставленной Игорем задачи.

Вернувшись с водкой, я не застал на веранде ни Игоря, ни Никиты. Подождав несколько минут, я услышал скрипучие шаги наверху, на втором этаже. Не хотелось мне туда подниматься: много лет назад где-то там повесилась от несчастной любви предыдущая хозяйка дома, мать Игоря. Но я решился и медленно двинулся по узкой лесенке вверх, держась за стену, чтобы не упасть. Мне не было ясно, откуда доносятся шаги, и пришлось распахнуть первую попавшуюся дверь в коридоре. Темнота. Я чиркнул зажигалкой и обнаружил себя в совсем маленькой комнатке. Стена напротив была вся изодрана, словно кто-то впивался в неё когтями и царапал, пытаясь залезть наверх. Подняв голову, я увидел в потолке ржавый крюк с обрывком верёвки. Где-то скрипнуло, и лёгкая рука погладила меня сзади по волосам. Я не сумел закричать и просто упал на пол, от которого разило сыростью и землёй.

Очнулся я на веранде, увидел над собой лица Маши, Игоря и Никиты.

– Куда ты пошёл, дурачок, – со слезами шептала Маша, глядя мои волосы.

– Водку привёз? – спросил Игорь.

– А сигареты не забыл? – добавил Никита.

Парни были веселы, только Маша грустила и с упрёком смотрела на Никиту с Игорем.

Я не сомневался, что негодяи разыграли меня, и был предельно мрачен.

Последние часы ночи не остались в памяти, и я проснулся на своей кровати в вечных сумерках нашего старого дома, не зная, как закончилась вчерашняя пьянка.

Лёжа на острых пружинах, на затхлой, пожелтевшей от времени и пота подушке, изъеденной крысами, под одеялом, из которого торчала вата, я молил небеса, чтобы не открылась дверь и не вошёл Игорь в шинели и сапогах со словами: “Парни! Идём на пляж!”

Дверь открылась. Гостя встретил Никита, куривший на пороге. Я услышал тихий робкий голос:

– А Мирослав дома? – наверно, это была Маша.

Я едва не рассмеялся: разве можно было наше жилище назвать домом?

– О да, – ответил Никита, – пойдём, я его покажу, но тебе не понравится.

– А что с ним?

– Спит. Как всегда, пил целую ночь.

Они зашли в комнату, и я увидел перед собой блестящую от росы девушку Наташу из нашего посёлка, красавицу с черными, как смоль, бровями и косой до поясницы. Она наматывала пышную косу на кулачок и смотрела по сторонам в недоумении. У нас в доме было чему удивляться. Все окна мы однажды заклеили крест-накрест полосками бумаги из Книги Перемен (чтобы при взрывах авиабомб не вынесло стекла – старое военное средство). С потолка свисали листы из той же книги, где можно было прочесть: “Хула тебе будет!” или “Будет тебе полная чашка!”. От благовоний стоял непреходящий туман, как в буддийском храме или на японских акварелях. На полу валялся полутораметровый топор, которым мы нарезали еду, и книги, которые читал Никита, а также ещё много странных вещей. На столе стояла коробка с десятками розовых солнечных очков. Ужасная грязь была повсюду.

Я выглянул из-под одеяла и попытался улыбнуться, думая о том, как же я сейчас красив.

– Мирослав, – сказала Наташа, – я в шоке. Вы так живете?

– Нет, – сказал я.

– А я хотела пригласить тебя на пляж...

Я быстренько надел плавки и побежал с ней вприпрыжку на плотину – купаться, загорать и радоваться солнцу. Я не понимал, что привело Наташу ко мне. Матушка говорила: женская душа – загадка, и никогда не знаешь, что ей по вкусу, а что нет.

Наташа взяла бадминтон, и вот мы стояли у реки и били по волану, жеманничая друг с другом и смеясь без причины. У её ног вилась огромная лайка с глазами волка, пытаясь поймать волан и понравиться хозяйке. Я вёл себя примерно так же. Нарочито нелепо прыгал, падал, кривлялся, хихикал, в общем, старался втереться к ней в доверие. Казалось, весь пляж смотрел на меня с неприязнью, и я был рад, когда игра наконец завершилась и мы сели рядышком на покрывальце – попить воды и поболтать. Тут только я заметил, что при всей Наташиной небесной красоте у неё очень волосатые ноги и руки, как у шайтана. Она была совсем близко, так что я мог достать до её губ своим носом, а если чуть наклониться, то и губами. Это бы и случилось, если бы не крики с дороги:

– Светка! Вот ты где! – окликнули меня Игорь и Никита.

Конечно, у них была с собой полная сумка напитков. Наташа поднялась, оправила юбку и сказала, что ей пора домой.

– К чему такая спешка, – заулыбался ей Игорь. – Вижу, наш друг Пиши-читай не промах.

– Я не пью, – слабо возразила Наташа, но её никто не слушал.

Я решил тоже выступить и сказал:

– Ну почему вы всё время пьёте эту водку? Что это такое? Вы же – синяки!

Смех и подзатыльники были мне ответом. Только Никита, вдруг перестав смеяться, серьёзно так посмотрел на меня и сказал тихо:

– Надо. Поверь мне.

И я правда верил ему больше, чем отцу. Потому что отец, пока не ушёл от нас, хотел воспитать во мне вьетнамского воина и каждый день по утрам бил бамбуковой палкой, обучая искусству восточных единоборств. Наверно, с тех пор у меня промятая грудная клетка и квадратная голова.

Вскоре – не прошло и двух часов – какой-то незнакомец валялся на покрывале Наташи, свернувшись калачиком и по-детски бормоча, сама она играла с собакой у кромки реки, а я сидел на траве, и перед глазами всё плыло. Игорь с Никитой вели разговор, суть которого я не мог уловить, казалось даже, что они говорят на нечеловеческом языке. Когда стемнело, мы бродили по посёлку с пневматическим ружьём, стреляли в каждый фонарь на своём пути и до утра разбили все, надолго обеспечив черные ночи. Как мы ложились спать, я запомнил смутно.

Проснувшись утром, я понял, что прожигаю жизнь. От всего, что было вчера, и позавчера, и до того, веяло пустотой, и моя душа не испытывала удовлетворения. Мне так хотелось чистых и острых ощущений: любви, страданий, боли, радости, тепла – ну, чего-нибудь настоящего, только не пьяного безразличия или безысходности, как у покойника на дне могилы, когда ни один лучик света не обнадёживает, но тьма, и тьма, и тьма.

И вот я надел плавки и бегом направился к плотине, даже не покурив с утра. Тёплый воздух плавно обтекал моё тело во время бега, собаки лаяли и некоторое время бежали следом, намереваясь укусить за ляжку, прохожие синяки замирали в горбатых позах и провожали меня недобрый взглядом. Я был похож на Маугли. Так я и примчался на плотину, в плавках, потный и счастливый, и сразу понял, что это мой день: Наташа со своим псом уже прогуливалась там по берегу.

– Привет! – подскочив к ней, уверенно начал я. – Как дела?

– Ты такой энергичный, – с удивлением взглянула она на меня.

На всякий случай я поиграл мышцами на своей впалой груди и бросился дурачиться с её собакой. Несколько раз мы купались и много играли в бадминтон, я валялся в примятой траве и выделялся так, что всем вокруг тошно было. Наташа хохотала до слез и постоянно говорила, что я “дурак”, “придурок”, “идиот”, но очень по-доброму.

Под вечер я выдохся наравне с её псом. Мне казалось, что нужно совершить какой-нибудь яркий поступок, и я решил нырнуть рыбкай с плотины. Ни слова не говоря Наташе, я направился к железному каркасу, залез на самый верх и оттуда уже помахал ей. Она зажала рот одной рукой, а другой показала мне, чтобы я немедленно слезал. Но не тут-то было. Собравшись с духом, я как-то странно подпрыгнул и полетел головой вниз. Глубина под местом, где я стоял, оказалась небольшой, всего полметра, и я воткнулся головой в песок.

Меня достали какие-то парни, которые прыгали с другого края плотины. Положили на траву, похлопали по морде, увидели, что я остался жив и ничего не сломал, и пошли нырять дальше.

Серьёзный разговор

С этих пор всё чаще Никита уходил к Игорю, и долгие ночи они просиживали на веранде при свете телевизора, а Маша сидела с ними как бесплатное приложение и не сводила глаз с моего брата.

Я же стал навещать Наташу, вернее, я ждал у её калитки, пока она не выкатит на своём большом велосипеде, и вот уже мы гнали в рощу, хохоча и дурачась, как дети. Я бы предпочёл целовать и раздевать её, прижав к берёзе, но нет – мы сидели в роще на лавочке над обрывом и любовались рекой в камышах и черными лебедями. Да и Наташин пёс не сводил с меня глаз, и я откровенно боялся его. Мы беседовали с ней, как правило, непонятно о чём, но иногда и о конкретных вещах. Как-то, сидя вот так со мной на лавочке, она сказала:

– Мирослав, почему вы всё время пьёте? Ну Игорь-то ладно, он ветеран и алкоголик, а Никита-то что? Он же маленький ещё. Вы одним днём живете. Так нельзя.

– Не знаю, честно. Я как-то спрашивал, но Никитка отвечает, что надо так, и всё.

– Эх, они же сопьются... Повлияй, поговори с ним. Он же такой молодой, красивый... Сексуальный.

– Что??? В смысле?

– Ах, Мирослав, ну вечно ты к словам цепляешься, дурак! Без смысла. Пойдём.

– Куда? – я прямо испугался, что сказал что-то не то. – А... Можно тебя поцеловать?

– Можно. Было бы. Если бы ты не говорил тут глупости, – и она с укоризной посмотрела на меня, как будто я серьёзно провинился.

Мы встали и пошли по травке, а отвратительный пёс стал виться вокруг, твякая и визжа.

– У-тю-тю, мой Церберочек, у-тю-тю, собачка, хоросий, лясковый... – Наташа схватила его за морду и стала тискать.

– Я вот только спросить хотел... – начал я.

– Ну? – и она взглянула на меня свысока, хотя я был выше на две с половиной головы.

– А я как, сексуален хоть немного, или только Никита?

– Только одно у тебя в голове. Ну только одно! Всё. Ты испортил мне настроение. Идём по домам.

– А когда мы увидимся?

– Я подумаю.

– Завтра зайду за тобой?

– Ох, Мирослав, посмотрим. Посмотрим.

Я проводил её до дома, она резво взбежала на крыльцо и скрылась за дверью, не оглянувшись. Я постоял под её окнами ещё полчаса, как побитая собака, и пошёл к себе. Странно, но я всегда считал нужным проявить смирение и унизиться. Так учила меня Матушка, говоря, что гордость – это самый страшный порок.

Я наконец-то достал сигарету и закурил – Наташа курить мне запрещала.

Никита лежал на скамье возле нашего дома и курил в небо, а рядом играло радио.

– Ты вовремя, – сказал он. – Когда мир на краю пропасти, некогда ходить по бабам.

Я сел на другую скамью, собираясь поговорить с ним о пьянстве, пока мы были одни. Но едва я открыл рот, как в калитку въехал на моем велосипеде Игорь, бросил его в кусты флоксов, взращённые Матушкой, и с широкой улыбкой пошёл к нам.

– Думаю, я достал то, что надо, – с этими словами он извлёк из кармана сиреневую бутылку с надписью на этикетке: “Анапа. Плодово-выгодное вино”. – Не поверите, сколько стоит.

– Ребята! Ребята, – сказал я с тоской. – Ну что вы жрёте всё время разную дрянь?

- Не нервничай. Это магические эликсиры, – последовал ответ.
- Ну-ну. Вы думаете, что я совсем идиот слабоумный.
- Нет, Тарас, – возразил Никита, – ты просто идиот.
- Да идите вы, не буду я пить эту гадость.
- Ты что же, сопляк, – удивился Игорь, – как же, обидишь нас и откажешься?
- Ну, Светка, – сказал Никита, – при таком раскладе я с тобой больше срать рядом не

сяду.

Поворчав немного, я согласился выпить.

Игорь наполнил три гранёных стакана бордовым напитком. Никакой закуски не предвиделось, только сигареты. Мы чокнулись, и я несмело отпил рубиновой жидкости с ядовитым ароматом, а Игорь с Никитой хлебнули по полной, залили себе плодово-выгодного в самую душу.

– Эге! – сказал Никита через минуту, затягиваясь сигаретой. – Эге.

– Гектор, пей, – велел Игорь. – Троя не выстоит без тебя.

Я с недоверием посмотрел в его бездушные очки и допил своё, оставив на дне чуточку.

– Эге, – сказал и я спустя минуту, ощутив внутри жар, и перед глазами задрожали последние отблески заката.

Мы посидели, покурили, наблюдая, как мир вокруг преобразается, наполняясь тёплыми мягкими оттенками и неземной красотой. Я вдруг понял, что бесконечно люблю этих двоих парней.

– Парни, – сказал я, – так хорошо сидим.

– Да, – ответил Никита. – Я, пожалуй, никогда не лежал так, как сейчас сижу.

Игорь снова разлил плодово-выгодное по стаканам с какой-то демонической кривой улыбкой.

Огромная оранжевая луна всплыла над крышей дома и застыла там в странной непривычной позе, словно собиралась упасть на бок. Железный гребень крыши блистал, как волна, и качался в облаках.

– Вы знаете, парни, – почему-то сейчас это слово – “парни” – доставляло мне удовольствие и казалось очень мужественным выражением наших отношений, – мне кажется, вам пора повзрослеть... Ну и мне тоже. Мы, как дети, себя ведём. Такая инфантильность. А ведь большие уже. Мы живём одним днём. А будущее?

– В смысле? – спросил Никита.

– Ну как. Работа, семья, дети... Нормальные цели в жизни. Надо быть серьёзными.

– В смысле? – спросил теперь Игорь, но меня не бесила эта их манера общения, наоборот, от беседы я получал удивительное наслаждение.

– Ну как... Надо строить свою жизнь... Никакой серьёзности, как дураки себя ведём. Только и делаем, что целыми днями пьём и на луну смотрим, – я поднял голову – луна совсем уж угрожающе нависла над гребнем крыши, и я занервничал.

– Какую-то чушь ты несёшь, Пиши-читай, – высказался наконец Игорь.

Никита включил радио на столе. Там шла увлекательная передача:

– А что вы думаете, Яков Семёнович, о влиянии любви на сознание современной молодёжи? – спросил ведущий.

– Ха. Любовь-морковь.

– Ха-ха-ха! Вы шутник, Яков Семёнович.

– Понимаете, это тоже разлагающий фактор... Что такое любовь? Никому не понятно. Но хорошо известно, что за этим словом у молодого поколения скрывается: разврат, насилие, агрессия, наркотики...

– Наркотики, Яков Семёнович?

– Да, именно так. Половина случаев происходит в изменённом состоянии сознания.

– Случек?

– Да. Иначе и не назовёшь. Вот что такое любовь. Вообще современное молодое поколение крайне инфантильно. Очень уж легкомысленное отношение к жизни, к работе, к будущему, к жизни в обществе... Ни о чём не думают! А столько важных дел! Серьёзных тем! Хотя сейчас всё это меняется. Мы над этим работаем. Но как ещё много этих!

– Каких этих, Яков Семёнович?

– Как бы... Ну этих... Расп...здяев.

– Яков Семёнович!!!

– Да?

– Мы же в эфире!

– Ха. В эфире, но не в эфире.

– Яков Семёнович?

– Юмор. Эфир и эфир – препарат такой...

– Итак, у нас в гостях был борец с молодёжной распушенностью, один из самых выдающихся людей нашего времени, министр внутренних дел, здравоохранения и культуры в одном лице – Яков Семёнович Гадес. И хочу заметить – первый кандидат на пост президента!

– И последний, – добавил Яков Семёнович.

Я так внимательно слушал, что сложился почти пополам, клонясь головой к радио. Едва передача закончилась, я отстранился от него и обнаружил, что нет ни Игоря, ни Никиты, лишь два стакана с рубиновым лунным светом на столе. Луна дрожала на прежнем месте, и меня это встревожило. Уж за это время она должна была либо упасть, либо подняться высоко над гребнем крыши. Злой глаз Аида следил за мной из-за туч, и мне стало страшно. Подул ветер, невидимая берёза вблизи зашептала: “Лена, Лена, Ксюша, Яна...”

Заросли хрена за спиной мощно всколыхнулись и затихли. Я подумал, что Игорь с Никитой хотят напугать меня, поднялся и направился туда, откуда донёсся шум. С каждым моим шагом тьма впереди сгущалась, а листья хрена приобретали всё более ядовитый оттенок. Приблизившись, я увидел в лопухах женскую фигуру.

– Маша? – удивился я. – А ты что здесь делаешь?

Она не ответила, а осталась стоять вполоборота ко мне, как-то скорбно и отчуждённо, склонив голову на плечо. Я вздрогнул и почувствовал, как по спине поползли мурашки, а волосы на голове зашевелились. Перед глазами вспыхнуло видение – ободранная стена в комнате на втором этаже и крюк в потолке с куском верёвки.

– Прекрати, – вдруг прошептала она.

Я словно окаменел, не в силах сдвинуться с места.

– Прекрати, – повторила она, и я упал в обморок.

Странный сон овладел мной, стоило мне свалиться в траву. Мне привиделось, что я гуляю по просеке перед нашим садом. В гнетущей тьме мне было неуютно и страшно, ни одного окна не светилось в округе. Беззвучный дождь лил с серого неба, размывая меня на ручейки. Я добрал до перекрёстка четырёх дорог и столкнулся с Наташей.

– Я ищу тебя, – сказала она. – Мне нужны твои очки.

От её просьбы стало жутко, и хотя я не понял, какие такие очки она хочет, решил про себя, что не дам их:

– Хорошо, но позже, с собой их у меня нет.

Наташа согласилась и забежала в какой-то дом. Тут же там загорелись огни, послышались смех и крики. А я испытал облегчение, что она ушла. Едва она исчезла, улица вспыхнула фонарями, появились машины и люди, и мне полегчало. Вдруг из дома, где исчезла моя подружка, раздался крик:

– Наташа! Наташа! – и тотчас фонари погасли, и всё окутало мраком.

Ужас сковал меня. Я сразу понял, что означает “Наташа”. Шайтана. Я проснулся и закричал прямо на быющее в лицо солнце.

Первый поцелуй

– Что с тобой? – спросил Никита. Он лежал на соседней кровати, как всегда, закинув ногу на ногу и подложив одну руку под голову, а другой небрежно держа сигарету. – Хочешь чаю?

Отказавшись от чая и умывшись, я направился к Наташе, твёрдо пообещав себе больше не пить и наконец повзрослеть. Я не понимал своего брата. Будь его воля, так мы и сидели бы всю жизнь под сенью берёзы в три моих объёма и пили чай, пока не стали бы облаками и не пролились бы где-нибудь над ночным городом прекрасным пахучим дождём. Но я намеревался что-то делать со своей жизнью, руководить ею и поэтому шёл теперь к Наташе, а не ждал – вдруг она сама придёт. Я думал предложить ей руку и сердце.

Я встал у её забора и неуверенно так крикнул, сорвавшись от смущения на хрип: “Натаааша!” Что-то зашумело в кустах, рванулось, как кабан в индейских джунглях, и бросилось на забор с другой стороны. Это был Цербер – я увидел его пасть в пене, клыки и безумные глаза, жаждущие моего мяса.

– Ах ты, проказник, – сбежала со ступенек крыльца Наташа и улыбнулась мне, – ах, проказник, проказник.

Говорила она это собаке, но обращалась почему-то ко мне, глядя на меня уж как-то совсем странно, как будто собиралась изнасиловать. Я встряхнул головой, чтобы прогнать навязание. Всё-таки я был большим романтиком и мечтал о любви – в самом возвышенном и чистом смысле.

– Проказница, – вдруг похотливо пробормотал я, глядя на неё её же способом.

Она взяла меня под руку и повлекла по коричневым земляным дорогам, окаймлённым буйной травой, в берёзовую рощу, мимо выдавших наши детские тела канав, деревянных заборов с мистическими надписями, жасминов и сирени, старых ив и тоскующих сосен. Здесь прошло наше детство, сказка, обернувшаяся пустотой, как сказал однажды Никита. В ней вся боль, печаль и красота.

Я попытался поделиться с Наташей этими моими переживаниями и смутными ощущениями. Она убрала свою руку и помрачнела.

– Какой ты инфантильный. И сентиментальный. Тьфу. Непонятные сопли.

Чтобы исправить положение, я тут же рассмеялся по-идиотски и стал рассказывать что-то смешное.

– Ох, – вздохнула она, остановившись, как будто собираясь идти домой, – прекрати, Мирослав! Когда же ты повзрослеешь! Прекрати.

Я не знал, чем угодить ей, и просто смотрел на неё со смущённой полуулыбкой.

Она рассмеялась, снова взяла меня под руку и повлекла дальше. Мы пришли на старое место – лавочку над обрывом с видом на реку, где золотились в блестящих водах черные лебеди и грустно пробивались сквозь сплетения берёз солнечные лучи. Усевшись и сложив ручки на коленях, Наташа обратила ясные глаза на меня, как будто ожидая чего-то. Я хмыкнул и, глядя в другую сторону, обнял её, а потом потянулся к сочным губам за поцелуем.

– Не так, Мирослав, всё не так. Ты как школьник. Ну что мне делать с тобой? – и она отстранилась. – Когда же ты станешь взрослым, настоящим мужчиной?

Я громко хлюпнул носом и затих.

– Ну ладно, – сказала она. – Ты хоть понимаешь, о чём я?

– Нет.

– Хорошо. То есть плохо. Я объясню. Ты и твои друзья ну прямо как маленькие идиоты. Вы не хотите взрослеть, заниматься серьёзными вещами, ну... Просто думать о будущем!

– В смысле? – переспросил я, имитируя манеру брата.

– Ох, Мирослав. Ты живёшь одним днём. Нужно вести здоровый образ жизни, работать, заниматься спортом, встречаться с любимой девушкой, водить её в кино, по ресторанам, потом сделать ей предложение, завести ребёнка в конце концов!

– Ммм... – ответил я.

– Ладно. Обещай хорошо подумать над этим. Иначе мы не сможем общаться. Пойдём к тебе, угостишь меня чаем.

По дороге я написал брату смс, чтобы он сделал чай. Когда мы пришли, чай, к моему удивлению, был готов и даже чашки стояли на столе. В молчании мы сделали несколько глотков.

Никита лёг на скамейку, как будто был совершенно один, и закурил, глядя в небо. Майка на его животе задралась, обнажив пупок. Наташа смотрела на него то ли с недоумением, то ли с интересом. Я не знал, чем всё это закончится, слов у меня не было, лишь нарастало незнакомое прежде болезненное чувство ревности. Обстановку разрядила Маша, вдруг всплыв над сиренью и пристально взглянув на Наташу:

– А можно к вам?

Я пригласил её к столу, Никита слабо кивнул.

– Ну что сидим, молчим, – сказала Маша. – Давайте радио послушаем.

Я включил радио, и очень удачно: как раз звучала замечательная песня Гномма “В Реймс” с приятной инструментальной музыкой. Это были красивые стихи о том, как он куда-то улетает, и она тоже, но позже, и вот всё будет продолжаться здесь же, но уже без них. В общем, как почти всё в творчестве Гнома – непонятно, но наполнено чудесной атмосферой и настроением.

– Ой, ну что это? – скривилась Наташа, обращаясь за поддержкой к Маше. – Кто сейчас слушает этот отстой?

– А что надо слушать? – спросил Никита со своей скамьи из-под стола.

– Ну как же! Все давно слушают радио “Сю-сю-сю”.

– “Сю-сю-сю”? – переспросил я, и меня передёрнуло, как будто я услышал что-то очень неприличное.

Наташа быстро нашла нужную волну, и на нас полилась композиция про любовь в исполнении нескольких девушек. Хотя в нашем распоряжении было только радио, я словно видел их – полуголых, ярко накрашенных, с огромными силиконовыми сиськами.

“Я люблю тебя, потому что ты любишь меня, о эта любовь, как прекрасно любить, ты меня, я тебя, наша любовь – это кровь...”

Дальше следовал припев: “Ты придёшь ко мне издалека, милый друг мой Я Эс Га”.

– Интересно, – я сделал вид, что мне в самом деле хочется это знать. – Что это за Я. С. Г. такое?

– Наверно, имя спонсора, который с ними спит, – серьёзно предположил Никита.

– Вы не понимаете ничего, – вздохнула Наташа, – самая популярная группа сейчас. Все балдеют. А какие красивые стихи, про любовь...

Девушки вскоре допели, и запели мальчики. Наташа грустила и про себя подпевала, открывая рот и поглядывая на моего брата. Маша пыталась завести с Никитой разговор, но он отвечал ей крайне односложно, как будто бесконечно утомился от бесед. Незаметно подступал вечер, а музыка всё играла, перемежаясь рекламой под стать песням. Странно, но эти композиции вызвали у меня желание предпринять что-нибудь интересное и энергичное.

– Парни, – вдруг сказал я мужественно, – парни, а поехали в клуб?

– А мы? – спросила Маша, имея в виду себя и Наташу.

– И вы, – Никита поднялся. – Имеет смысл позвать Игоря.

Меньше всего на свете я хотел видеть в клубе всю эту компанию, тем более они рассчитывали, что я буду платить. Но мне не было жалко денег, у Матушки в ящике под лампадой и грозной иконой хранителя-святого лежали несметные богатства.

Я зашёл в её келью, стараясь быть серьёзным, перекрестился перед старинной, чёрной от времени иконой и осторожно залез в ящик, как будто там сидел ядовитый скорпион. Тут у меня случился странный флэш-бэк: я словно увидел перед собой бледное лицо матери с очень печальным и смиренным выражением. Такое лицо у неё было, когда мы с Никитой гуляли неделю в её московской квартире, пока она отдыхала в Швейцарии. Как-то утром она прилетела самолётом, открыла дверь и увидела такое, что не сразу смогла заговорить.

– Что это за шалавы, Мирослав? – наконец произнесла она, возвышаясь в чёрном балахоне над нашими грешными молодыми телами. – Что это такое? Как ты мог? Что здесь творилось? Как тебе не стыдно?

– Мама, – просто тогда ответил я, – я так живу.

– Это же Содом и Гоморра, Мирослав.

– Не было содома, – возразил Никита, не зная, как лучше поступить – убрать ли руки со спящей рядом девушки или лучше не шевелиться.

– Ну слава богу, хотя бы не это! – горько сказала матушка.

И вот всю эту картину я увидел сейчас, копясь в красном свете лампы в её ящике, как предатель. Оправдывало меня только то, что мама моя – человек не мирской и деньги ей были совсем ни к чему.

Я взял, сколько было надо, и на выходе ещё раз перекрестился, как в церкви. В своей комнате я надел костюм, почему-то ощущая себя так, словно собираюсь на свадьбу или на похороны, и тихими шагами направился к друзьям.

Бэд трип

Найти в посёлке такси не представлялось возможным, и мы поехали на электричке. Игорь с Никитой решили, что мы пойдём в клуб “Церцея” в центре Москвы. Это было приличное место, со строгим фейс-контролем, и я серьёзно опасался, что мои друзья могут остаться снаружи.

Наташа в пути заметно расположилась к Никите и пыталась говорить с ним, Маша ревниво следила за Наташей и стреляла в Никиту глазами. За окном мчалась васильковая луна конца июня, и я гадал, какие ещё события она принесёт в эту ночь.

На вокзале мы взяли хорошую машину и поехали к “Церцею”. Остановив машину у входа в клуб, водитель, как мы договорились заранее, вышел и предельно услужливо открыл нам двери. На ребят из фейс-контроля это подействовало, и мы без проблем вошли. Мне показалось, что, когда Никита продефилировал к барной стойке, все девушки поблизости и вдалеке на секунду сбились с мысли, отвлеклись, растерялись и посмотрели на него.

Мы расселись на барных стульях и взяли какие-то коктейли. В красной полутьме сверкали блёстки танцующих, бродили бокалы и звучала свежайшая музыка, всё тонуло в атмосфере благополучия и гламура. Здесь были необычайно ухоженные девушки, в большинстве не красавицы, но выглядевшие так, что казались привлекательнее любой самой красивой моей знакомой. Мне вдруг страстно захотелось блистательной жизни в окружении этих девушек, тем более что, учитывая благосостояние Матушки, я запросто мог её себе позволить.

Так, в молчаливом созерцании, прошли два удивительно глубоких и приятных часа. Мои друзья куда-то разбрелись, и я радовался этому. Не было желания ни танцевать, ни разговаривать, вообще никакой активности мне не хотелось. Я сидел и потягивал потихоньку свой коктейль, и на моем лице играла умиротворённая улыбка путника, обрётшего наконец покой. Всё и дальше было бы хорошо, если бы не Никита.

В какой-то момент он подвёл ко мне незнакомую девушку и сказал, не взглянув на меня:

– Вот он берет. Грамм кокаина, семь колёс и два пакетика вашей удивительной травы.

– Сколько? – мрачно спросил я, вынимая бумажник и вновь вспоминая мою бедную мать.

Никита взял у девушки товар и куда-то исчез.

Это событие сбilo мой сентиментальный настрой, и я уже не мог просто сидеть, расслабленно развалившись на стойке, а стал вертеться, смотреть во все стороны и нервничать. Как быстро всё-таки настроение может меняться на противоположное! Возможно, я был неврастеником, истериком и психопатом.

Дёргаясь на стуле, я имел, наверно, вид человека, который ждёт чего-то, что никак не случится. Это было моё обычное состояние в последние годы – постоянное ожидание неизвестно чего.

– Ох, молодой человек, – произнёс женский голос, и чья-то рука ласково погладила меня по спине, – позвольте-ка мне тут протиснуться.

Я обернулся и увидел профиль великолепной дамы, в роскошном вечернем платье и с редкой в наши дни благородной осанкой. Это была моя мать. Я быстренько свернулся в крендель на стойке, мысленно умоляя того, кто следил сегодня за мной, пока я крал кровавые в лампадном свете деньги, чтобы она не поняла, кто перед ней. Мама остановилась невдалеке и заказала коктейль “дьявольские яйца”. Я понял, что сейчас она облокотится на стойку, ещё раз увидит меня и наконец узнает, даже в костюме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.